ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
г. Москва
17 ЯНВ 1961

ЛЮДИ ЗА ОКЕАНОМ

Вера ПАНОВА

ЧЕТВЕРО писателей, Константин Симонов, Эдуард Межелайтис, Елена Романова и я, провели тридцать дней в США. Мы были гостями Комитета по делам просвещения. Посетили семь городов и осмотрели много культурных ценностей, накопленных Америкой. Мы видели имение Вашингтона и гробницу Линкольна, побывали в редакциях, издательствах, библиотеках, университетах, музеях. Нам показали новейшие здания, бесчисленное количество картин, студию электронной музыки, богатую форму, кафе битников, Ниагарский водопад и разные другие достопримечательности. Мы смотрели спектакли, слушали концерт в нью-йоркской филармонии.

Обильная программа, много впечатлений. Но самое главное впечатление, самое лучшее наше воспоминание об Америке — это люди, с которыми мы там встречались.

Люди всех возрастов, различных интеллигентных профессий. Иной раз — предубежденные, настороженные. Но происходило знакомство, завязывался разговор, и настороженность исчезала, люди начинали рассказывать о себе и расспрашивать нас, и встреча оказывалась дружеской и полезной.

Великая вещь — личное знакомство, живой человеческий голос, взгляд человеческих глаз.

И неизменно встречали мы в собеседниках напряженный интерес к СССР, к России, к нашей культуре.

Вот сидим мы в длинной, узкой студенческой столовой Гарвардского университета. Студенты-слависты показывали нам, как они живут, водили по общежитиям — новому и старому, теперь привели обедать. Длинный, ничем не покрытый стол, американская еда — салат с жгучим томатным соусом, рис с креветками, чай в картонных стаканчиках. Ломаная русская речь и ломаная английская речь, а разговоры — знакомые, привычные: о Льве Толстом, Гоголе, Чехове; о нравственной миссии литературы; о положительном герое. Стихийно возникает дискуссия об Иване и Дмитрии Карамазовых, и черноглазый юноша в спортивной куртке, сидящий напротив, вдруг оказывается ценителем и исследователем Достоевского,—и как он спорит и сверкает глазами, отстаивая свою концепцию!

— Как, — восклицает он, — вы считаете Дмитрия религиозным?! Вы отрицаете в нем наличие атеизма?! — и другие юноши в спортивных куртках с живейшим вниманием слушают спор, прихлебывая чай из картонных стаканчиков...

Потом они жалуются, что советские журналы приходят к ним в библиотеку с опозданием на два месяца — это очень неудобно. Некоторые широко знакомы с современной нашей литературой. Я называю книгу Владимира Солоухина «Капля росы» — многие из этих студентов ее уже прочли.

— Мы богаче тех, кто не знает по-русски, — говорит один студент. — Тем приходится читать только то, что переводится на английский язык. А переводится мало. О да, еще мало. А мы, которые знаем по-русски, мы не должны ждать, когда нам переведут...

Почему-то еще не дошла до них книга Ольги Берггольц «Дневные звезды». Но, когда мы называем ее, десятки блокнотов извлекаются из карманов и десятки карандашей записывают название.

Они знают наизусть стихи наших поэтов. Когда в другом университете, Колумбийском, студенты попросили Константина Симонова прочесть какое-нибудь стихотворение и он начал: «Ты помнишь, Алеша...», — несколько голосов в разных концах аудитории подхватили негромко: «...дороги Смоленщины...».

Эта встреча, кстати, началась с маленького инцидента. Какой-то парень вскочил и излишне возбужденно задал вопрос: будет ли, наконец, советская поэзия заниматься человеческими чувствами или она и впредь намерена заниматься только проблемами машиностроения. Аудитория задвигалась и слегка зашумела... Председательствующий Симонов спокойно попросил парня назвать какое-нибудь стихотворение о машиностроении, потому что он, Симонов, ничего такого не читал.

— Я тоже не читал, — брякнул парень.— Я не знаю... Мне сказали...

— Он сообразил, что попал в нелепое положение, и, не договорив, побагровев, плюхнулся на свое место. Мы не стали задерживаться на этом случае: тут и там поднимались руки, вопросов было много, и вопросы дельные. Когда беседа кончилась, тот парень подошел и попросил прощения за свою выходку.

ПРОФЕССУРА уделяла нам много внимания и времени. Нас знакомили с организацией учебного дела и методикой воспитания. В Колумбийском университете профессор Отто Люнинг показал нам работу электронной машины, «вырабатывающей» музыку. В Гарвардском университете профессор Якобсон демонстрировал пластинки, на которых записан голос Маяковского. Некоторые из профессоров Гарвардского университета — Мерл Фейнсод, Альберт Лорд, директор «Дома Адамса» Рубен Брауер—недавно гостили в Советском Союзе. С профессором Брауером мы побывали на лекции Чарльза Сноу. Чарльз Сноу и его жена Памела Хэнсфорд Джонсон — английские писатели, тоже были в Советском Союзе, в Москве и у нас в Ленинграде, — и после лекции мы встретились как старые знакомые. Лекция называлась «Наука и правительство» — Чарльз Сноу написал книгу на эту тему.

С многими американскими культурными деятелями познакомило нас это путешествие. Больше всего, конечно, с писателями: среди них — драматург Артур Миллер и поэт Роберт Фрост, которого мы посетили в его доме в окрестностях Бостона. С архитекторами, художниками, публицистами, критиками, издателями... У Нормана Казинса, издателя нью-йоркского еженедельника «Сатердей ревью», мы были дважды: один раз в его загородном доме в Нью-Канане, на обеде, устроенном в нашу честь, затем в редакции «Сатердей ревью» в Нью-Йорке. Там мистер Норман Казинс познакомил нас со своими сотрудниками и произнес маленькую программную речь о необходимости мирного сотрудничества с Советским Союзом. Закончив речь, сделал паузу и заключил меланхолически:

— Итак, я вам изложил свою передовую статью, которую переписываю непрерывно, начиная с 1947 года.

В Нью-Йорке же Совет американских издателей устроил в нашу честь завтрак в Гарвард-клубе. Были директора крупнейших издательств. Чинная трапеза проходила в атмосфере подчеркнутого дружелюбия. Нам выразили сожаление, что мы не побывали в Сан-Франциско, и рассказывали о следах старинных русских поселений в тех местах. Председательствующий за столом произнес хороший тост. Он трижды чокнулся с Симоновым, приговаривая:

— Не над вами,—не под вами, — рядом с вами! — И чинные издатели единодушно выразили одобрение этому тосту.

Я не останавливаюсь на анекдотах. Как, например, на одном приеме две пожилые дамы — у одной висел крестик на шее — с кротким упорством убеждали меня уверовать в бога. Им казалось, что дело тут только в моей несговорчивости, и они меня уговаривали до тех пор, пока я не сказала со всей строгостью:

— Я уважаю вашу веру, уважайте же и вы мое неверие!

Тогда они заговорили о живописи. Но весь вечер посматривали на меня с укором и сожалением.

В СПРИНГФИЛДЕ мы познакомились с симпатичным семейством мистера Уайна Моргана, страхового деятеля. Мы побывали в гостях в его доме на Саут Гранд авеню, где гостеприимный хозяин, засучив рукава, сам жарил бифштексы на маленькой жаровне, установленной на каменной террасе позади дома, и нарядная семилетняя девочка с распущенными волосами помогала матери накрывать на стол. Пришли гости. И хотя среди них преобладали люди, занимающиеся страхованием (только один имел отношение к литературе, владелец типографии, и еще, помнится, был один журналист),— нас забросали вопросами литературно-делового характера: о тиражах наших книг,— эти тиражи неизменно вызывают почтительное удивление, о том, кто из современных американских писателей у нас наиболее известен, но главным образом почему-то о том, как в СССР становятся писателями.

— Ну вот, человек написал книгу, первую свою книгу,— что он с нею делает?

— Он несет рукопись в редакцию журнала или в книжное издательство.

— И ее печатают?

— Если она того заслуживает,— конечно, печатают.

— Значит, это нетрудно — напечатать книгу?.. А если он неопытен и нуждается в совете, — это правда, что ему дают совет?.. И у вас нет конкуренции между писателями?..

Живейшее удовольствие было проявлено, когда Симонов сказал:

— Позвольте, я расскажу для примера, как это было со мной,— и рассказал о своей учебе в Литературном институте и первых своих литературных шагах.

Некоторые наши оценки современных американских авторов не были приняты нашими собеседниками. В свою очередь мы не со всеми их оценками могли согласиться. Тут сказалось радикальное различие мировоззрений и вкусов. Но во всяком случае, наши собеседники были люди читающие, с широким кругом интересов.

В разговоре выяснилось, что двое из них, муж и жена, в прошлом году побывали туристами в Советском Союзе.

— Я бы тоже хотела поехать,— сказала миссис Морган, хозяйка дома.— Мы давно хотим. Нам это трудно—не с кем оставить детей. Может быть, в будущем году удастся как-нибудь устроиться...

САМЫМ сердечным был прием, оказанный нам в Бостоне мистером Уиксом, редактором журнала «Атлантик». Мистер Уикс встретил нас на аэродроме, когда мы прилетели из Буффало, и пришел проводить нас на неуютный, замусоренный старомодный бостонский вокзал, когда мы уезжали по железной дороге в Нью-Йорк. Нашим первым визитом в Бостоне был визит в редакцию «Атлантик» на Арлингтон-стрит; там мы познакомились с сотрудниками и с историей журнала, а затем мистер Уикс угощал нас завтраком в старинном ресторанчике, отечески выбирая все самое вкусное. Нас, гостей, радовало его теплое, лишенное всякой официальности обхождение, его добродушная отзывчивость на шутку, интерес к нашей советской литературной жизни.

Он устроил у себя дома прием по случаю нашего приезда. Собрались писатели, журналисты, художники, общественные деятели. Как всегда, нас забрасывали вопросами. Как всегда, было трудно и мешкотно отвечать через переводчика. Но вот ко мне подошел пожилой человек, назвал себя: Кеннан, —и заговорил по-русски. Он спросил, давно ли мы в Америке и что успели повидать.

— Это, вероятно, утомительно,— сказал он, выслушав ответ,—и главное, продуктивно ли? Получается ли в результате настоящее знакомство со страной?

Я ответила откровенно, что для настоящего знакомства, разумеется, мало видеть страну только с ее парадной, изящной стороны. Но с теми сторонами американской жизни, которые от нас закрыты, сказала я, мы знакомы по вашей обширной литературе, это дополняет наше знание.

— Что литература,— сказал мистер Кеннан.— Жизнь так сложна, и она так меняется. Нужно входить в дома и видеть, как люди живут. Только так получается настоящее знание, да, только так. Вы были в Новом Орлеане во время беспорядков,— ах, вам этого не показали... Но вы, конечно, знаете об этих беспорядках...

Еще бы мы не знали — многие американские газеты писали о бесчинствах расистов в Новом Орлеане в связи с введением совместного школьного обучения белых и черных детей.

— Позор, позор! — сказал мистер Кеннан.

Из дальнейшего разговора я поняла, что мой собеседник — тот самый Кеннан, что был послом США в Советском Союзе, жил в Москве и имеет о нашей стране довольно определенное представление.

— Вы живете по другим правилам, чем мы,— сказал он,— на других основаниях... Но знаете ли, что наши страны имеют между собой нечто общее,— и знаете, что это такое? Масштаб! Размеры всего! И у вас, и у нас все громадно — и пространства, и проблемы. Ни у вас, ни у нас нет мелочности, мизерности. И прошу вас — не думайте, что у нас все просто. У нас очень сложно, очень трудно, очень! Прошу вас! Помните об этом!

Было странно, что пожилой, корректного вида господин так упорно просит меня помнить об этом. Я поняла, что мистер Кеннан наверное очень любит свою большую и трудную страну.

В ЭТИХ заметках я не касаюсь тех американцев, кто прочно стоит на позициях «холодной войны». Таких еще немало за океаном. Мне хотелось прежде всего ознакомить читателей «Литературной газеты» с настроениями, все шире возникающими в американском народе, в среде тех, кто уже освободился или пытается освободиться от предубеждений и невежественных представлений о нашей стране, о политике нашего правительства. И я твердо убеждена, что контакты между американским и советским народами полезны и нужны. Чем больше мы будем ездить друг к другу, друг друга узнавать, тем быстрее установится настоящее взаимопонимание, завяжутся подлинно добрососедские отношения.

Разве есть что-нибудь равное по силе живому слову, живому голосу, живому человеческому взгляду?

Из американских зарисовок О. Верейского